

semantiki i pragmatiki [Problems of semantics and pragmatics]. Kaliningrad, Kaliningradskij gos. un-t publ., 1996, pp. 7–13.

5. Vovk V. N. *Jazykovaja metafora v hudozhestvennoj rechi (priroda vtorichnoj nominacii)* [The language metaphor in the art of speech (the nature of the secondary nomination)]. Kiev, Naukova dumka publ., 1986, 142 p.

6. Shestak L. A. *Russkaja jazykovaja lichnost' : Kody obraznoj verbalizacii tezaurus* [Russian linguistic personality : shaped Codes of verbalization thesaurus]. Volgograd, Peremena publ., 2003, 312 p.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Сатретдинова Альфия Хамитовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный медицинский университет, 414000, Россия, ул. Бакинская, 121, e-mail: Alfijasatretdinova@rambler.ru.

В статье рассмотрены структурно-семантические и лексико-грамматические трансформации фразеологических единиц в поэтическом тексте. На основе методики контекстуального анализа исследуются различные способы преобразований фразеологизмов, выявляются функциональные особенности использования устойчивых сочетаний в поэзии Серебряного века. Автором представлены примеры обыгрывания фразеологического образа в стихотворных текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Блока, М. Цветаевой, И. Бродского, Б. Пастернака, В. Ходасевича, С. Есенина, О. Мандельштама и др. Интерес к поэзии Серебряного века обусловлен смелым экспериментированием авторов данного периода в области поэтической семантики и стремлением раскрыть потенциальные возможности русской фразеологии.

Ключевые слова: фразеологическая единица (ФЕ), фразеологизм, устойчивые сочетания, поэзия Серебряного века, структурно-семантические преобразования, лексико-грамматические трансформации, окказиональные фразеологические сочетания, функциональные возможности, обыгрывание, фразеологический образ

FUNCTIONING IDIOMS IN THE POETRY OF THE SILVER AGE

Satretdinova Alfiya H., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State Medical University, 414000, Russia, Astrakhan, 121 Bakinskaya st., e-mail: Alfijasatretdinova@rambler.ru.

The article is devoted to the structural, and semantic, lexical, and grammatical transformations of phraseological units in the poetic text. Based on the methods of the contextual analysis some different ways of transformations of phraseological units are studied and some functional features of using idioms in the poetry of the Silver Age are found out. Some examples of rephrasing, phraseological image in the poetic texts of K. Balmont, V. Bryusov, A. Blok, M. Tsvetaeva, I. Brodsky, B. Pasternak, V. Khodasevich, S. Esenin, O. Mandelshtam, etc are given by author. This interest to the poetry of the Silver Age is conditioned by the brave experimentation of the poets of this period in the field of the poetic semantics and the desire to reveal the potential possibility of Russian phraseology.

Keywords: phraseological unit, phraselogram, idioms, the poetry of the Silver Age, structural and semantic transformations, lexical and grammatical transformations, occasional phraseological combinations, functional possibility, rephrasing, phraseological image

Поэтический язык выступает как функционально ориентированная система, построенная на основе особых номинаций и образных средств. Фразеологические единицы (ФЕ) являются одним из основных средств расширения семантики поэтической речи. Активное обращение поэтов Серебряного века к фразеологии обусловлено, очевидно, не только тем, что она является ярким выразительным средством, но также и своеобразием фразеологической семантики, возможностью оценочно охарактеризовать эмоциональную сферу человека.

Как справедливо замечает А.И. Федоров, «основная функция слов состоит в том, чтобы выражать понятия, а фразеологизмы появляются в языке для того, чтобы через образное представление характеризовать уже названным словом понятие, конкретизировать его через заложенное в содержании представление, выражая отношение к нему, оценку его, т.е. фразеология удовлетворяет потребность языка в экспрессивности» [4, с. 73].

Практически все поэты Серебряного века прибегали в своем творчестве к использованию устойчивых сочетаний, нередко преобразуя их форму и смысл. ФЕ отражают авторское восприятие мира и, являясь экспрессивно-оценочными единицами языка, обладают огромным функциональным потенциалом в поэтическом тексте.

Исследование функций ФЕ в поэзии данного периода предполагает не только анализ структурно-семантических и стилистических свойств фразеологии, но и способов, приемов использования ее в стихотворных текстах.

По убеждению Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых, «каждая фразеологическая единица как элемент системы языка представляет собой структурно-семантическую модель, наполняющуюся индивидуализированным смысловым содержанием в том или ином речевом окружении» [1, с. 229].

Некоторые поэты начала XX в. употребляли фразеологизмы только в исходной форме: *пропал из глаз, голову ломал, под собой не чует ног, смотрел сквозь пальцы, не шли на ум (песни)* (Гумилев); *благая весть, бывшие века, событий колесо* (Брюсов); *с грехом пополам, и в помине нет; не дрогнет твоя рука, глаза б не глядели мои* (Ахматова) *что-то резкое в лицо бросали мне; буду...во всем дурака валять* (Есенин).

Многие поэты активно прибегали к структурно-семантическому преобразованию устойчивых сочетаний в текстах. Трансформации формы, значения фразеологизмов весьма распространены в поэзии Серебряного века. Фразеологические трансформации представляют собой такие окказиональные преобразования устойчивых сочетаний слов, которые, внося изменения в форму и значение исходных единиц, не нарушают их целостности, оставляя ФЕ узнаваемой.

Они используются в поэтическом тексте в качестве приёма индивидуальной авторской обработки фразеологических оборотов, нередко как средство создания комического эффекта и как форма игры слов.

К окказиональным фразеологическим сочетаниям мы относим те, которые созданы по моделям и на основе уже известных, «канонических» (термин А.Г. Лыкова), в которых просматривается структурная, образная и смысловая связь с исходными фразеологизмами.

О. Мандельштам часто использовал ФЕ для различных художественных целей. Причем, у него встречаются устойчивые сочетания как в первоизданном виде: *ни слуху ни духу; держу в уме; черт возьми, баклуши бьет; пропади ты пропадом; ни жива ни мертва*), так и в трансформированном варианте. Так, фразеологизм *впадать в ересь* разбит на части:

*Но от ереси прекрасной
Мы спасаться не должны.
Каждый раз, когда мы любим,
Мы в нее впадаем вновь.*

Дистантная сочетаемость компонентов фразеологизма (позиция, в которой фразеологическая единица и ее актуализатор разделены словом, словосочетанием или знаком препинания) встречается в поэтическом тексте «Серебряного века» реже, нежели контактная сочетаемость. Примером дистантного расположения компонентов устойчивого сочетания может служить ФЕ *и почему ему на ум всё мысль о море лезет?* (Пастернак). Дистантные расположения частей ФЕ расширяют смысловую структуру фразеологизма, способствует актуализации внимания читателей.

Многие ФЕ у Блока связаны с передачей душевного состояния лирического героя и содержат в качестве основного компонента какую-либо часть человеческого тела: *мне сердце режет каждый звук; очи татарские мечут огни; не упускай его из глаз; бить челом; не сходит с уст; в ус себе не дует; всю ночь очей вам не сомкнуть; нос повесил; опять кружится голова.*

М. Цветаева прибегает к устойчивым сочетаниям с целью приближения языка поэзии к обычной разговорной речи. Многие ФЕ использованы в исходной форме: *(катай) вдоль да поперек; (с полотеров) взятки гладки; проходишь свою дорожку; сорок сороков (церквей); иди себе с миром; под корень рубит; бок о бок (на холм) всходили; (остановиться) дух переводя.*

Преобразованных ФЕ меньше, они используются, в основном, для придания выражению экспрессии. Интерес представляет трансформация М. Цветаевой фразеологизма *волосы встают (становятся) дыбом* в стихотворении «Стихи о Москве»: *вздыхаются не волосы, а мех.*

В данном случае окказиональное преобразование состава ФЕ происходит за счет редуцирования наречия *дыбом* и замены глагольного компонента *становятся* на *вздыхаются*, а субстантивный компонент представлен как прямое противопоставление двух слов, одно из которых характеризует человека, а другое – животное.

Напротив, у Пастернака трансформация того же фразеологизма осуществляется благодаря уподоблению признака по сходству. Здесь автор использует сравнительную конструкцию: *Тучи, как волосы, встали дыбом / Над дымной, бледной Невой.* Однако в обоих случаях преобразование формы ФЕ повлекло за собой и изменение значения исходного фразеологизма: первоначальная семантика «охватывает ужас от происходящего» утрачивается.

Наиболее часто встречающимся способом актуализации фразеологического образа является замена компонента ФЕ контекстуальным или языковым синонимом. Ср.: *стиснув зубы и стиснув челюсти* (Цветаева); *влачить жалкое существование и свой незаметный век влачит в неравенстве таком* (Ходасевич); *сбиться с пути и Я сбился с дороги; со всех ног и со всех лодыг* (Пастернак); *не сводить глаз на не спускать глаз* (Есенин). Синонимическая замена не изменяет семантики фразеологизмов, но привлекает внимание к его образно-мотивирующей основе, способствует интенсификации смыслового и образного содержания ФЕ.

Примером оригинального использования фразеологических единиц (ФЕ) в стихотворном тексте является сталкивание нескольких однородных фразеологизмов, которые, вступая в отношения с лексическим окружением контекста, выраженным свободными сочетаниями, служат раскрытию одной темы и созданию единого поэтического образа:

*Он припер к стене ацетиленом.
Втопан в грязь, и несмотря на то
Трын-трава – и море по колено:
Дует дальше с той же прямой...
Предлогов тьма. Случайный выстрел,
И – дело в шляпе, капитан! (Пастернак).*

Другое стихотворение поэта почти целиком построено на образных выражениях и фразеологизмах: *Я – мяч полногласья и яблоко лада. /Вы знаете, кто мне закон и судья; Не видно ни зги; Путь мой был тернист.*

Тишь гробовая стояла.

Первая фраза представляет собой фразеологическую трансформацию: автор использует окказиональное новообразование, где существительное *раздор* заменено антонимом *лад*, благодаря чему ключевое слово *яблоко* утрачивает свое значение «причина», а приобретает иное – «источник». Существительные *полногласие* и *лад* можно рассматривать здесь как контекстуальные синонимы, относящиеся к области искусства и означающие «созвучие, стройность совместных звуков».

Интересным является преобразование структуры и семантики фразеологизма *пройти огонь, воду и медные трубы* в значении «перенести жизненные трудности»:

*Пройдем огонь и воду,
Глухой и темный путь...*

И далее:

*Не страшны страхи эти:
Огонь, вода и медь,
А страшно, что в квинтете
Меня заставят петь (Кузьмин).*

В первом случае редуцировался компонент *медные трубы*, во втором он частично восстанавливается с использованием слова *медь*, однако исчезает глагол *пройти*. Семантика исходного фразеологизма несколько расширилась и даже трансформировалась благодаря контекстному окружению: автор не считает *огонь, воду и медь* страшными преградами и трудностями. Устойчивое сочетание здесь становится основой композиционного построения произведения.

Любое изменение общепринятой сочетаемости ФЕ обычно приводит к его экспрессивно-стилистическому или семантическому обновлению. Например, фразеологизм *против шерсти* в русском языке сочетается с глаголами *чесать, гладить* (т.е. с глаголами, предполагающими осязание, возможность дотронуться до чего-либо), однако в поэзии Серебряного века наряду с традиционным употреблением встречаются примеры индивидуально-авторского расширения лексического окружения фразеологизма. Так, в преобразованном сочетании *против шерсти мира поём* (Мандельштам) образный план фразеологического оборота обыгрывается за счет введения неожиданного глагольного компонента *петь* (*против шерсти*), что придает ФЕ некую абстрагированность, лишая ее конкретного овеществленного содержания и усиливая ее эмоциональную выразительность.

Целостность трансформированных таким образом фразеологизмов не нарушается благодаря сохранению синтаксических связей между их компонентами, даже если новые слова в составе трансформированных ФЕ не сочетаются с другими по смыслу, ср.: *пользы, как от козла молока и пользы от него, что молока от черта* (Маяковский).

Для конкретизации и усиления фразеологического образа иногда вводятся дополнительные компоненты: *За тридцать с лишним земель повернулось на бок тело, с которым давным-давно только и общего есть, что дно океана и навыв* (Бродский). Здесь актуализируется эмотивно-экспрессивная составляющая фразеологизма. Как справедливо замечает А.И. Федоров, «основная функция слов состоит в том, чтобы выражать понятия, а фразеологизмы появляются в языке для того, чтобы через образное представление характеризовать уже названным словом понятие, конкретизировать его через заложенное в содержании представление, выражая отношение к нему, оценку

его, т.е. фразеология удовлетворяет потребность языка в экспрессивности» [4, с. 73].

При создании трансформированных фразеологических сочетаний преобразованный образ конкретизируется благодаря установлению контекстуальных связей, что способствует видоизменению ФЕ при сохранении его целостности и денотативного значения, ср.: *пойти по рукам* и *чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам* дармоедов; *смотреть с открытым ртом* и *в открытые рты* нам говорящий Чапаев с картины/ скакал звуковой; *расти, как на дрожжах* и *я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах* (Мандельштам); *не нахожу себе места и в могиле глухой и в саване / Ты не нашел себе места; пока гром не грянет, мужик не перекрестится* и *гром не грянул, что креститься; чинить препоны и никому не чинится препон; молотить языком* и *Кем это мелются, / Языком ли, душой ли* (Пастернак). Установление контекстуальных связей достигается за счет расширения состава ФЕ, а иногда и полного изменения структуры исходного фразеологизма.

Частичное видоизменение образной структуры ФЕ происходит за счет метафоризации некоторых элементов контекста. Примером метафорического переосмысления значения исходного сочетания служит ФЕ *дом.., из которого души во все очи глядят, во все окна* (Цветаева), где окна сравниваются с человеческими глазами.

Приведем другие примеры развития фразеологического образа, происходящие вследствие метафоризации элементов окружающего фразеологизм контекста: *полдневные звезды* мне в душу глядятся (Белый); *лето бьет ключом; мысли сбились в белый кипень; ну и кашу мороз заварил; в горах заваривалась каша; солнце греет до седьмого пота; дело у весны кипит в руках; здоровьем пышут зубья вил* (Пастернак); *Кириллица*, грешным делом, *разбредясь по прописи* *вкривь ли, вкось ли... / Знает о том, как чернеть на белом.* (Бродский), *Бросай судьбе перчатку вызова* (Хлебников).

Поэты Серебряного века часто используют фразеологические трансформации как средство создания сатирического эффекта. Одним из приемов создания комичной ситуации в поэтическом тексте является контрастное соотношение семантического, стилистического и экспрессивного содержания устойчивых сочетаний с контекстом: *в кузнечном деле ни бельмеса, оказывается, он не понимал* (Мандельштам). При трансформации того же идиоматического сочетания Есенин опускает отрицательную частицу при глаголе: *коровы, говоря по-русски, / Смыслят ни бельмеса.*

Для создания сатирического эффекта С. Черный использует ФЕ либо в исходном виде, либо в частично преобразованном. В таких случаях достаточно контекстного лексического окружения.

*Покраснел, но оправился быстро
И подумал: «Была не была!»
Здесь не думские речи министра,
Не слова здесь нужны, а дела.*

Или

*И опять зады и бедра,
Но над ними – будь им пусто! –
Ни единого лица.*

Контекстуальное окружение фразеологизма в сатирическом произведении очень важно: оно помогает раскрыть авторскую установку на сатирическое использование устойчивого сочетания.

С целью создания сатирического эффекта И. Бродский прибегает к трансформированному ФЕ. Так, фраза *все равно, на какую букву себя по-*

слать, человека всегда настигает его же храп (Бродский) – преобразованная поговорка *послать на три буквы*. Изменение компонентного состава фразеологизма имеет окказиональный характер и не влияет на общий смысл исходного фразеологического сочетания.

Преобразованное сочетание *Сюды/ забрел я как-то после ресторана / взглянуть глазами старого барана / на новые ворота и пруды* (Бродский) представляет собой трансформированный фразеологизм *смотреть (уставиться) как баран на новые ворота*. Значение слова *баран* в данном устойчивом сочетании характеризуется коннотациями *медленно соображающий, глупый*. Эмотивная презентация (термин Г.В. Токарева) – возбуждение той или иной эмоциональной реакции на образ – определяет содержательный тип лингвокультурной коннотации. Г.В. Токарев выделяет три типа языковых коннотаций: *интенсивные* (следствие интенсификации дескрипции посредством внутренней формы), *эмотивные* (продукт эмоциональной презентации того или иного оценочного стандарта), *оценочные* (результат вербализации того или иного оценочного стереотипа) [3, с. 69–70]. В предыдущем и следующем контексте мы имеем дело с оценочной коннотацией:

*Теперь меня там нет. Об этом думать странно.
Но было бы чудней **изображать барана**.
Дрожать, но раздражать на склоне дней тирана,
Паясничать.* (Бродский).

Здесь именование лирического героя *бараном* – ироническое, оно символизирует глупость жертвенного поступка.

Оценочная коннотация реализуется в стихотворении И. Бродского «Тихотворение мое, мое немое...», в котором стихотворение именуется *тяглым*, т.к., с одной стороны оно влечет, тянет поэта, с другой, оно требует максимального проявления сил. Стихотворение сравнивается с *ломтем отрезанным*, т.е. вещью, живущей независимо от ее творца. Начало стихотворения построено на игре слов, точнее на перемещении границ слов.

Фразеологические единицы на основе сравнительных оборотов распространены и у Пастернака: *Тверская спит, как убитая; как воды набрала в рот; как снег на голову; как вкопанный*; *Вся душевная бурда... перед ним, как на ладони. И, как жокей, ручаюсь головой*.

Языковые основы создания сатирического эффекта с помощью фразеологизмов остаются в основном общими для поэтов, принадлежащих к разным литературным течениям.

В поэтических текстах Серебряного века встречаются и структурно-грамматические преобразования ФЕ. Фразеологизм *к шапочному разбору* преобразуется во фразу *того бора вкусный цукат / К шапок разбору рвут нарасхват* (Пастернак) обновляется благодаря морфологической замене прилагательного существительным. При этом денотативное значение ФЕ сохраняется.

Фраза *Время подсчета цыплят ястребом* (Бродский) – трансформированная поговорка *Цыплят по осени считают*. Преобразование осуществляется за счет трансформации глагольного компонента *считают* в существительное *подсчета*, а также редуцированию обстоятельства времени *по осени* и появлению добавочного компонента – дополнения в творительном падеже *ястребом*. Изменение компонентного состава ФЕ имеет окказиональный характер и способствует контекстуальному обновлению фразы.

Сочетание *я кое-как свожу концы строк* (Бродский) – переписанный фразеологизм *сводить концы с концами* в значении *справляться с трудностями, согласовывая различные части, стороны к-л работы, соединять их воедино*. Для усиления образного значения автор вводит дополнительный компонент – местоимение *кое-как*.

Один из способов разрушения поэтических штампов заключается в особой организации контекста: соединение в одном тексте логически несовместимых понятий, одно из которых выражено устойчивым сочетанием, другое – свободной конструкцией: *и глаз не смыкал и горе мыкал; куда ни одна нога не ступала, лишь...вьюги ступала нога* (Пастернак).

ФЕ используются и в качестве элемента композиционного оформления стихотворения, в частности, один и тот же фразеологизм может начинать и завершать стихотворение. У О. Мандельштама же, например, одно из стихотворений открывается строчкой: *Держу пари, что я еще не умер*, а завершается так: *Держу в уме, что нынче тридцать первый прекрасный год в черемухах цветет*, т.е. налицо использование ФЕ с одинаковым глагольным компонентом, причем ФЕ образуют анафору — конструктивную стилистическую фигуру.

В поэтических текстах поэтов Серебряного века встречается перестановка обычного порядка слов в устойчивых сочетаниях. Примером инверсионного расположения компонентов устойчивого сочетания с целью подчеркивания смысловой значимости и поэтической выразительности отдельных слов может быть фразеологизм *до дна исчерпаю чашу* (Блок) вместо традиционного *испить чашу до дна*.

Нарушение порядка слов в ФЕ обусловлено не только рифмообразованием. Своеобразное обыгрывание устойчивого сочетания, основанное на перестановке слов исходной ФЕ, служит для трансформации образного плана и актуализации буквального плана значений компонентов:

Ни к городу и ни к селу –
Езжай, мой сын, в свою страну (Цветаева).

Или

Жили-были старик да старуха.
Не было у них ни пера, ни пуха (Бедный).

Нередко в поэтических текстах фразы строятся на основе контаминации нескольких устойчивых сочетаний (фразеологизмов, пословиц, поговорок). Например, сочетание «по горбу его плачет в лесах осина» (Бродский) является компрессией и соединением пословиц: *могила по тебе плачет и горба того могила исправит*. Интересным в структурно-семантическом плане является выражение *била жизнь во все колокола*. (Ахматова), представляющее сращение двух идиом: *бить ключом (чаще жизнь)*, и *бить во все колокола*. Ключевой здесь выступает лексема *бить*, указывающая на интенсивность действия, стремительность происходящего.

Преобразованное сочетание *Мне сердце режет каждый звук* – результат контаминации двух ФЕ: *слух резать и сердце разрывать*. Подобное семантическое обыгрывание их в контексте усиливает мотив скорби, печали.

Подобные контаминации в художественных текстах возможны лишь при смысловой близости исходных идиом. Мы солидарны с мнением А.М. Бабкина, рассматривающего контаминацию как «воздействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтаксическом ряду, приводящее к их семантическому изменению или к образованию новой единицы» [2, с. 31].

Таким образом, можно утверждать, что функциональные особенности фразеологизмов в поэтических текстах Серебряного века весьма разнообразны. Использование ФЕ в произведениях данного периода направлено на отражение внеязыкового мира: сатирическое описание явлений действительности, характеристику лирического героя. Поэты включают в свои произведения устойчивые сочетания и с целью усиления эмоционально-экспрессивного звучания стихотворного текста.

К приемам структурно-семантической модификации ФЕ в поэтических текстах Серебряного века относятся инверсия ее компонентов, окказиональное изменение «сочетательной возможности», синонимическая замена компонентов ФЕ, введение в состав ФЕ дополнительных компонентов, метафоризация элементов контекста, расширение границ и установление дополнительных связей ФЕ с контекстом.

Фразеологизмы в поэзии Серебряного века помогают авторам воплотить новые поэтические образы, создать собственные номинативные единицы: окказиональные сочетания или трансформированные ФЕ, отражающие индивидуальную картину мира.

Благодаря обыгрыванию фразеологизмов, преобразованию и расширению их структуры поэт может заново их переосмыслить: «...к связанному с этой формулой традиционному общему значению прибавляются новые индивидуальные значения, которые совмещаются в едином поэтическом образе» [5, с. 24].

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – Астрахань, 2004. – 296 с.
2. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – Л. : Наука, 1970. – 264 с.
3. Токарев Г. В. Лингвокультурология : учеб. пос. / Г. В. Токарев. – Тула : ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2009. – 135 с.
4. Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX веков / А. И. Федоров. – Новосибирск, 1973. – 298 с.
5. Шмелев Д. Н. Слово и образ / Д. Н. Шмелев. – М., 1985. – 125 с.

References

1. Alefirenko N. F., Zolotyh L. G. *Problemy frazeologicheskogo znachenija i smysla* [The problem of phraseological meaning and purpose]. Astrakhan, 2004, 296 p.
2. Babkin A. M. *Russkaja frazeologija, ee razvitie i istochniki* [Russian phraseology, its development and sources]. Leningrad, Nauka publ., 1970, 264 p.
3. Tokarev G. V. *Lingvokul'turologija* [Cultural linguistics]. Tula, TGPU im. L.N. Tolstogo publ., 2009, 135 p.
4. Fedorov A. I. *Razvitie russoj frazeologii v konce XVIII – nachale XIX vekov* [The development of Russian phraseology in the late XVIII – early XIX centuries]. Novosibirsk, 1973, 298 p.
5. Shmelev D. N. *Slovo i obraz* [Word and image]. Moscow, 1985, 125 p.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК КОНСТРУКТИВНАЯ ЖАНРООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ

Казиева Альмира Магомедовна, доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, 357430, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

Кадрбай Айнара Кадрбаевна, старший преподаватель, Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова, Республика Казахстан, Мангистауская область, городской акимат Актау, Актау, 32-й микрорайон.

Внутренние структурные принципы художественного произведения, которые принимают наиболее активное участие в процессе моделирования жанровой информации в жанровую картину мира, мы называем компонентами